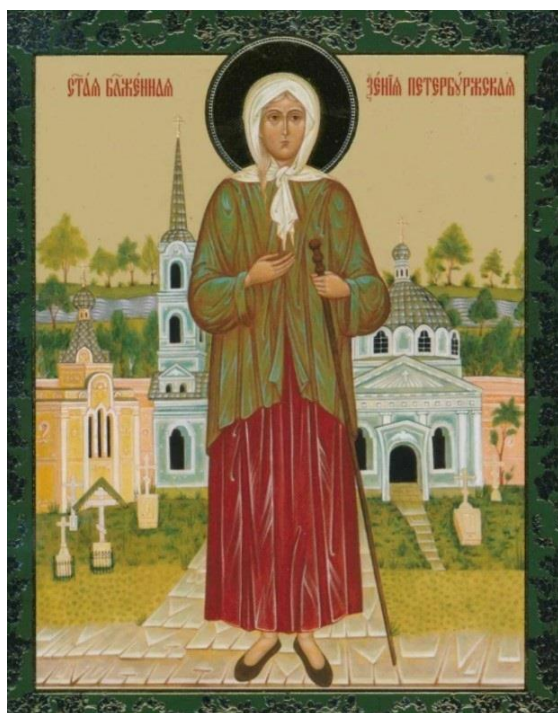

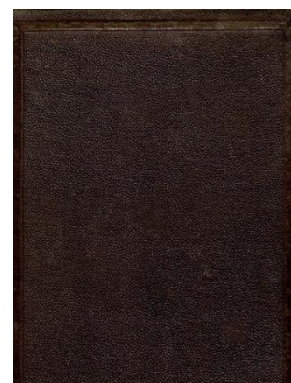
Первые печатные упоминания о Ксении Петербургской доступны на портале Президентской библиотеки

6 февраля верующие отмечают день памяти святой, чьё имя связано с Петербургом. Аксиния Григорьевна Петрова, канонизированная Русской православной церковью как Ксения Петербургская, уже много лет почитается православными христианами не только в нашем городе, но и во всем мире.

Фонды Президентской библиотеки хранят поистине уникальные материалы о жизни петербургской святой. Особенно интересны первые упоминания, опубликованные ещё задолго до официальной её канонизации в 1988 году. И тем более они важны, ведь про земную жизнь святой достоверно известно очень мало. Это сейчас о Ксении Петербургской говорится довольно много, но при её жизни биографов не нашлось, и многие факты биографии сохранились лишь благодаря народной молве. Может, поэтому в истории петербургской святой есть некоторые несовпадения, которые нашли своё отражение в истории нашего города.

Как ни странно, первое печатное упоминание о будущей святой вышло в 1845 году под обложкой альманаха [«Физиология Петербурга»](#), редактором которого выступал Николай Некрасов, а в числе авторов фигурировал сам «неистовый» Виссарион Белинский. В этом лишённом религиозности и объединившем приверженцев прогрессивной литературы издании был напечатан очерк «Петербургская сторона» Евгения Гребёнки. Открывая оцифрованное издание на

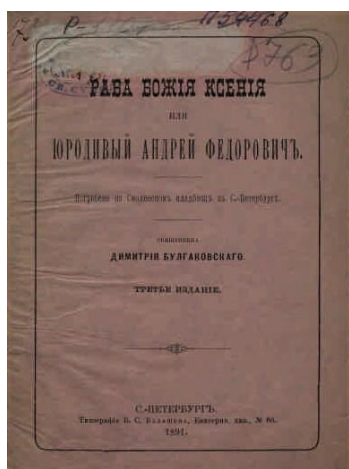

портале Президентской библиотеки, видим странное название одной улицы – улица Андрея Петровича, или Андрей Петровой, оказывается, напрямую связанное с Ксенией Петербургской.

«Говорят, – пишет автор, – в этой улице жила когда-то счастливая чета, словно взятая живьем из романов Лафонтена; муж, Андрей Петрович, так любил жену, что и представить себе невозможно, а жена, Аксинья Ивановна, так любила мужа, что и вообразить невозможно (так выражалась рассказчица Андрея Петровой улицы); вдруг, ни с того ни с другого муж помер, а жена осталась и тоже выкинула штуку: съехала с ума с печали и вообразила, что она не Аксинья Ивановна, а Андрей Петрович и что Андрей Петрович не умер, а только обратился в неё, Аксинью, а в существе остался Андрей Петровичем».

На своё прежнее имя она не откликалась, «а когда ей говорили: „Андрей Петрович!“ – она всегда отвечала: „Ась?“ – и ходила в мужском платье». К очерку приложен рисунок, на котором изображена героиня этой истории, достаточно далёкая по внешнему виду от сложившегося у современных верующих представления.

«Народ сходился смотреть на новаго Андрея Петровича и прозвал улицу Андрея Петрова». Эта улица, к слову, проходит от Большого проспекта Петроградской стороны до Чкаловского проспекта. Она долгое время носила название Петровой, а теперь называется Лахтинская.

Кстати, интересно, что отчество Андрея Петрова, как утверждает автор этого, первого известного нам, печатного упоминания о Ксении Петербургской, было – Петрович. В более поздних книгах его называют Андреем Фёдоровичем.

Подтверждением тому является, например, книга [«Раба божия Ксения или Юродивый Андрей Фёдорович»](#) священника Дмитрия Булгаковского, изданная в 1891 году.

После смерти мужа «раздав все имение бедным, она стала юродствовать. При этом уверяла всех, что она не Аксинья Григорьевна, а Андрей Феодорович, и что Андрей Феодорович не умер, а только обратился в нее... а Аксиньи Григорьевны нет на свете – она умерла. Поэтому на свою прежнюю кличку она уже не откликалась и даже очень

сердилась, когда называли её Аксиньей, говоря: „да не троньте покойницу, что она вам сделала, прости Господи!..“».

Как оказалось, это не просто история семейной трагедии двух влюблённых Петербургской стороны. Это история о сильном духе слабой женщины, о том, как волевое решение меняет не только сущность самого человека, меняет и мир вокруг.

Ксения не имела своего хозяйства, не имела дома, носила в любое время года только зеленую кофточку и красную юбку (или наоборот – в память о мундире мужа) да платок, ночевала в поле за городом. Всё, что ей подавали, отдавала бедным. Со временем народ стал замечать за словами и делами юродивой необыкновенные свойства.

Здесь же приводится цитата из еще более раннего источника, «Ведомостей С.-Петербургской городской полиции» 1847 года: (7) «Лет сорок или, быть может, несколько более назад, скончалась здесь в Петербурге вдова придворного певчего Андрея Феодоровича, Ксения Григорьевна... Имея множество знакомых, большею частью из купеческого сословия, она часто приходила к ним за милостыней и ничего не брала, как „царя на коне“: так называла она старинные копейки... Одни называли её „сумасшедшею“, другие „прокажённую“ или „юродивой“, третьи „предсказательницею“, потому что она предсказывала счастье или несчастье тому дому, в который приходила...»

«Когда Андрей Феодорович являлась на площади Сытного рынка, – пишет Булгаковский, – все торгаши пряниками, булками, пирогами и проч. мгновенно открывали свои лотки и корзинки, умоляя Андрея Феодоровича взять у них что-нибудь без денег, хоть один пирожок, хоть отломить кусочек пряника. И счастливцев, у котораго полакомится Андрей Феодорович, не успевал припасать товару, так успешно после того шла торговля».

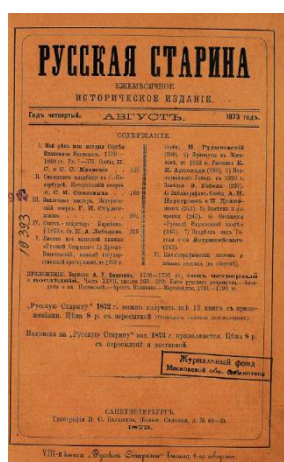
Автор брошюры при её составлении застал ещё очевидцев, знавших тех, кому посчастливилось повстречать Ксению.

«Многих поражала Ксения, – пишет отец Дмитрий, – своим предсказанием». Он приводит рассказ одной знакомой старицы, у чьей тётки «иногда ночевала Ксеньюшка»: «Однажды, встретивши на улице Евдокию Денисовну, Ксения остановила её и, подавая медный пятак, сказала: „Возьми, возьми пятак, тут царь на коне, пожар потухнет“. И

что же? Только что вошла на свою улицу Евдокия Денисовна, как увидела, что дом её загорелся, но не успела она ещё добежать до дома, как пламя было потушено».

В народной памяти сохранилось и то, что она предсказала кончину императрицы Елизаветы Петровны. Накануне её смерти, «24 декабря 1761 года, Ксения, переходя с улицы на улицу кричала: „Пеките блины, пеките блины, вся Россия будет печь блины“». На другой день императрица скоропостижно скончалась.

О дне смерти самой Ксении точных сведений не сохранилось. Похоронили её на Смоленском кладбище, недалеко от храма, который она тайком, по ночам помогала строить. Приходя рано утром на работу, строители часто обнаруживали высоко над землей, на лесах, тяжёлые кирпичи. Это петербургская юродивая ночами трудилась, помогая мастерам как могла. Не случайно на иконах её часто изображают на фоне этого храма.

О времени её захоронения говорится в историческом очерке [«Смоленское кладбище в Санкт-Петербурге»](#) священника Стефана Опатовича, долгое время служившего в храме при кладбище. Его очерк напечатали в журнале «Русская старина» в 1873 году. «Можно только приблизительно указать, – пишет автор, – на последние годы прошедшего и первые настоящего столетия (конец XVIII – начало XIX века. – Прим. пресс-службы ПБ)».

Могила Ксении сразу же стала местом паломничества. «С двадцатых годов на могилу её хлынули толпы посетителей и разобрали всю насыпь. Сделана была другая – и ту разнесли. Положили плиту – и ту разбили и обломки разнесли по домам». Затем могилу обнесли оградой и к оградке прикрепили кружку для пожертвований. «Потом на собранную таким образом сумму поставили памятник в виде часовни...»

«„Кто меня знал, да помянет душу мою, для спасения своей души“. Такую надпись, – пишет отец Стефан, – положил кто-то на могиле Ксении. И нигде не служит столько панихид, сколько на её могиле». Рассказы о чудесах по молитвам Ксении «ходят по всему Петербургу, проникают в провинции и привлекают посетителей на Смоленское кладбище». Хотя рассказы эти, как пишет автор, «не могут выдержать строгой проверки»

и на вопрос, в чём же состояло то великое благодеяние, которое вы испытали от Ксении, вам или ничего не ответят, или скажут: «это семейная тайна»...